

Публикация А. С. Пученкова

Обзор взаимоотношений между Крымским Правительством и Добровольческой армией за период декабря 1918 г. — апреля 1919 г.¹

Публикуемый документ представляет очевидный исторический интерес. Перед нами — составленная предположительно весной 1919 г. анонимная аналитическая записка, посвященная обзору отношений между Вторым Крымским Краевым правительством и Добровольческой армией в конце 1918 — начале 1919 гг. — иначе говоря, в записке последовательно рассматривается история «кадетского» Крыма сквозь призму его отношений с Крымско-Азовской Добровольческой армией генерала А. А. Боровского и Ставкой Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России генерала А. И. Деникина. Надо сказать, что этому сюжету посвящена достаточно обширная историография². Широкое освещение эти события получили и в мемуаристике³. Вместе с тем автор этих строк имеет основания полагать, что публикуемый документ может рассматриваться как уникальное дополнение к уже существующим свидетельствам и исследованиям по данному вопросу: в записке прослеживается своеобразный диалог двух лиц — неизвестного автора записки и Командующего Крымско-Азовской Добровольческой армией генерала А. А. Боровского⁴, оставившего на полях документа крайне выразительные и в высшей степени интересные рукописные пометы. Зная по-солдатски прямолинейный и резкий характер генерала Боровского, можно предположить, что при знакомстве

**Пученков
Александр
Сергеевич,**
доктор исторических
наук, доцент,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

с публикуемым документом генерал испытывал известное раздражение: в записке подвергается ожесточенной критике не только сам Командующий Крымско-Азовской Добровольческой армией, но и его штаб; при этом (что, видимо, вызвало наибольшее неприятие у Боровского) на страницах документа прослеживается мысль о зависимости местного командования Добровольческой армии не только от союзников, но и персонально — от некоторых деятелей кабинета, включая крайне непопулярного в белогвардейской среде министра внешних сношений Крымского правительства кадета М. М. Винавера⁵. Кроме того, автор записки упрекает командование Крымско-Азовской Добровольческой армии в том же, в чем Ставка Деникина упрекала кабинет Соломона Крыма⁶ — а именно, в преступной бездеятельности и потворству большевизму. Не впадая в голословные обвинения, обратим внимание на основную причину составления публикуемой аналитической записки — захват большевиками Крыма, осуществленный ими весной 1919 г. с впечатляющей легкостью. Как следствие, и Деникин, и бежавшее за границу правительство Соломона Крыма, и, конечно же, мирные обыватели, проклиная по привычке «союзничков», пытались найти, помимо интервентов, и других виноватых, видя причину падения Крыма в безалаберности командного состава Крымско-Азовской Добровольческой армии: в пьянстве Командующего армией Боровского; его начальника штаба — Пархомова — подозревали в симпатиях к большевикам и в том, что будто бы он «при обороне Крыма действовал все время так, чтобы Крым был наиболее легко взят противником»...⁷ В свою очередь, члены кабинета Соломона Крыма упрекали во всех смертных грехах персонально А. И. Деникина, не сумевшего понять демократический дух правительства и психологию гражданской войны⁸, и якобы не слишком стремившегося защитить полуостров от большевиков...⁹ Подчеркивая свою лояльность к идее Белого движения, члены кабинета Соломона Крыма упрекали Ставку в изначальной подозрительности к Крымскому правительству, отмечая все упреки белогвардейцев в существовании у крымских министров неких сепаратистских настроений. «Несмотря на все усилия Правительства сохранить тесные и дружеские отношения с генералом Деникиным и его ближайшими помощниками... со стороны Ставки постепенно росло чувство недоверия и недоброжелательности по отношению к Крымскому Правительству», — вспоминал министр юстиции Краевого правительства В. Д. Набоков¹⁰. «К концу января (1919 г. — А. П.) наши разногласия с Деникиным превратились в какой-то запутанный клубок», — утверждал П. С. Бобровский¹¹. «Да, наше правительство вело с Деникиным борьбу за власть в Крыму. Но к чему сводилась эта борьба? Исключительно к отстаиванию до последней возможности основ того правопорядка, который мы завели, или, по крайней мере, хотели завести в Крыму, к отстаиванию путем переговоров. Мы, как умели и могли, доказывали Деникину и его агентам, правильность наших точек зрения, т. е. необходимости — и в интересах населения, и в интересах самой армии, а, стало быть, и борьбы с большевиками — сохранения в Крыму нашей власти, как власти демократической. Постоянно, вольно и невольно мешая нам в осуществлении нашей задачи — управления Крымом, Деникин тем не менее не решался на наше упразднение. До поры до времени мы были ему все же нужны, он до некоторой степени считался с нами, и в основной

нашей цели — сохранить гражданскую власть в Крыму — победа в этой борьбе оставалась за нами. Никакой другой борьбы мы не вели с Деникиным. Не говоря уже о совершенно невозможной для нас вооруженной борьбе, мы не прибегали ни к каким закулисным махинациям или интригам. Мы шли в этой борьбе совершенно прямыми путями», — подчеркивал мемуарист¹². Деникин не остался в стороне от полемики по этому вопросу, и, констатируя, что Боровский «не сумел справиться с трудным военно-политическим положением», а «жизнь его и штаба не могла поддержать авторитет командования, вызвала ропот»¹³, вместе с тем иронически писал о том, что правительство Соломона Крыма «являет собою законченный опыт демократического правления, хотя и в миниатюрном территориально масштабе, — правления, обладавшего суверенностью, полным государственным аппаратом и подобающими ему званиями. В части правительства поначалу существовала преувеличенная оценка своего значения, «как прототипа будущей Всероссийской власти»¹⁴.

Выявить истину в данной ситуации чрезвычайно трудно; понятно, что упрощенный поиск единственного и непосредственного виновника падения Крыма к успеху привести не может; слишком много слагаемых играло на руку большевикам. Возможно, что Ставка действительно не видела в обороне Крыма в тот момент первостепенной и наиболее важной задачи для армий Вооруженных Сил Юга России; но с другой стороны, в ситуации, когда подход к обороне полуострова был у Ставки несопоставимо более серьезным — в Крыму, при Врангеле — перешейки вновь не смогли устоять, а белые армии вынуждены были навсегда оставить Россию. Подытоживая наши наблюдения, позволим себе высказать мнение о том, что Крым весной 1919 г. был интересен и важен для Деникина лишь до той поры, пока полуостров рассматривался как база для союзных контингентов, находящихся в непосредственном взаимодействии с белогвардейцами¹⁵; с того момента, как для «белого» Главкома стало очевидным нежелание и невозможность союзников драться с большевиками, Крым стал рассматриваться как второстепенный театр военных действий, периферия гражданской войны.

Публикуемый документ, на взгляд автора этих строк, представляет особую ценность по двум причинам: во-первых, последовательным изложением событий — от появления добровольцев в Крыму до второго владычества большевиков весной 1919 г.; а во-вторых, благодаря крайне ценным комментариям к записке, исходившим непосредственно от первого лица Добровольческой армии в Крыму — генерала А. А. Боровского. Учитывая то, что А. А. Боровский не оставил воспоминаний, вдумчивый историк получает уникальную возможность ознакомиться со своеобразным уникальным «интервью» Боровского, к тому же, сделанным «по горячим следам» — сразу же после фиаско правительства Соломона Крыма и Крымско-Азовской Добровольческой армии. Помимо этого, следует обратить внимание на беспрецедентно подробное изложение автором записки картины событий в Крыму и, что особо интересно, характера отношений трех основных сил на полуострове в конце 1918 — начале 1919 гг. — Краевого правительства, добровольцев, союзников, и «джокера» — большевиков. В этой связи, как представляется, публикуемый документ не может не вызвать интереса у профессиональных историков. Записка выявлена публикатором

при ознакомлении с отложившимися в Российском государственном военном архиве материалами фонда «Штаб Командующего войсками Крымско-Азовской армии в Крыму». Документ — машинопись, с отдельными рукописными вставками, автором которых является генерал А. А. Боровский. Название публикации принадлежит самому автору записки.

* * *

Добровольческая армия официально появилась в Крыму в ноябре 1918 г., т. е. с уходом немцев из Крыма. Ядром ее образования послужили добровольческие отряды, тайно образовавшиеся еще летом 1918 г. и существовавшие под названием крымских центров Добрармии¹⁶. Главным центром являлся Симферопольский, объединивший добровольческие отряды всех городов Крыма. Во главе его стоял генерал де Боде, который, с момента официального признания в Добрармии осуществившего после соглашения генерала Деникина с возникшим в ноябре 1918 г. Крымским Правительством во главе с премьером С. С. Крымом, был назначен командующим войсками в Крыму. С момента приезда в конце ноября из Екатеринодара генерала Пархомова¹⁷, назначенного Начальником Штаба Добрармии в Крыму, генерал де Боде передал ему все дела и фактически совершенно устранился от дела, генерал Пархомов, оставаясь начальником штаба, стоял во главе крымских войск Добрармии. Деятельность свою генерал Пархомов [начал] с налаживания дружеских отношений между Добрармией и Крымским правительством, в основу которых было положено, что ни Добрармия, ни ее чины не имели права вмешиваться во внутренние дела Крыма, а лишь обеспечить Крым от вторжения неприятеля и посредством правительства формировать части для достижения постановленных Добрармией задач воссоздания России; крымское же правительство обязалось создать для выполнения вышеуказанных задач благоприятные условия и помогать в достижении их всеми имеющимися средствами¹⁸. Хорошие отношения с крымским правительством генералу Пархомову удалось наладить очень быстро в течение 2–3 недель, несмотря на то, что часто возникали недоразумения на почве самочинных действий офицеров, ведших собственными средствами борьбу с большевизмом, который рос с каждым днем, не встречая какого-либо противодействия со стороны Крымского правительства, считавшего на основании данных ему полномочий не вправе вести какую-либо борьбу с большевизмом, поскольку он не выливался в вооруженное восстание. Большевики же вооруженных выступлений не делали, но вели деятельную работу по агитации среди рабочих и крестьян, получая на это миллионы рублей из Совдепии, с которой до последнего момента поддерживалась ими регулярная связь; заготавливали склады оружия, организовали боевые дружины, в которые входил в большом количестве всевозможный темный элемент, прельщаемый главным образом большими деньгами, которые за службу в дружине уплачивались. Вся работа велась почти явно; прокламации ежедневно выпускали в десятках тысяч, как местного, так и привозного изготовления. Со всем этим не боролось ни крымское правительство, ни Добрармия. Все описанные факты, т. е. склады оружия и большевистские организации, точно были известны как Штабу армии, так и краевому правительству¹⁹.

Офицерство видя, что никакие меры не принимаются, начало бороться с большевизмом самочинно, делая это крайне плохо и бессистемно, и одновременно с этим начали обвинять Штаб Армии, а главным образом генерала Пархомова, который являлся фактическим руководителем Доброармии в Крыму, в потворстве большевизму, соглашении с крымским правительством и ничего неделании, генерал же Пархомов не сумел или не мог ни прекратить самочинные действия воинских чинов, ни настоять своевременно на принятии репрессивных мер против большевизма и бандитизма, который рос с каждым днем²⁰. Движение и враждебность за это к генералу Пархомову росло в самом Штабе и во всех кругах общества, настроенных антибольшевистски. Правда, генерал Пархомов вел на этой почве с Правительством борьбу, но делал это крайне вяло и бестолково, факт тот, что 75% всех вносимых генералом Пархомовым в Совет Министров предложений отклоняли, особенно по вопросам борьбы с большевизмом, мобилизации и обороны. *Некоторые члены Правительства, особенно премьер Крым, Винавер и Набоков²¹, имели на генерала Пархомова несомненное влияние и почти на все он смотрел их глазами.* (Выделено А. А. Боровским. — А. П.)²² В таком положении оставался весь декабрь месяц. В то же время авторитет Крымского правительства во всех кругах населения падал с каждым днем, вместе с ним падал авторитет генерала Пархомова и Штаба Крымской армии.

В январе большевизм достиг столь крупных результатов, что и Крымское правительство, несмотря на боязнь перед демократическими элементами в лице очередного съезда земств и городов (съезды земств и городов созывались раз в месяц полтора и правительство давало на них отчет о своей деятельности) решило принять некоторые из предлагаемых генералом Пархомовым репрессивных мер против большевиков. Так Совет Министров постановил образовать особую комиссию из министра юстиции, внутренних дел и начальника штаба Добрармии, которая налагала право административных мер против лиц агитирующих, против Добрармии и враждующих ей, а также был изменен ряд статей уголовного судопроизводства статьи с 100 по 130 исправленных в редакции, предусматривавшей наказания за большевизм и его деятельность²³. В то же самое время была организована окончательно и контрразведка Штаба Армии, сделавшаяся исполнительным органом указанной комиссии. Но создание этой комиссии мало улучшило положение, так как 1) происходила страшная волокита; 2) комиссия по каждому аресту требовала крайне точных данных; 3) решения ее были вялы и крайне мягки. Между прочим, сторонником мягких мер являлся обычно генерал Пархомов. После проведения указанных мер Совет Министров принял вскоре постановления о сдаче населению оружия и не выходе на улицу после 12 часов ночи. На проведение всех указанных [мер] Штаб Крымской армии затрачивал громадное количество времени и энергии. Заседания Совета Министров с участием Начальника Штаба генерала Пархомова и Командующего Армией генерала Боровского вместо разрешения назревавших важных вопросов, от проведения которых в жизнь зависело само существование Добрармии в Крыму, проходили или в дебатах и прениях о мерах борьбы с большевиками, обычно безрезультатных, или в улаживании недоразумений происходивших то между Штабом Добрармии, то самим правительством, то земством — обыкновенно

на почве действий, правда, часто весьма неудачных, отдельных чинов Добрармии. *Генерал же Боровский, вступивший в командование армией 10 января, вполне одобрил политику генерала Пархомова и в нее больше не вмешивался, часто говоря, что он в ней ничего не понимает и знать ее не хочет.* (Выделено А. А. Боровским. — А. П.)²⁴ Во второй половине января, а особенно в первой половине февраля, с увеличением французских сил в Севастополе, политическое положение Добрармии в Крыму резко ухудшится, причем крымское правительство в этом сыграло совершенно определенную, предательскую по отношению к Добрармии игру, в которой роль генерала Пархомова свелась к роли капитана, наблюдающего за гибелью своего корабля в полюсе, и сыграл крайне губительную [роль] для всего дела Добрармии в Крыму, что в значительной мере содействовало [оставлению] Северной Таврии и Крыма. Создавшаяся к описываемому моменту конъюнктура представлялась в следующем виде: Крымское правительство, влияя на генерала Пархомова, в то же самое время зорко следило за положением на фронте, а в связи с этим за формированием частей Добрармии и отношения к ней населения, результат наблюдения оказался весьма не утешительным: 1) объявленные призывы не удались настолько, что пришлось отменить даже те, которые были опубликованы, что несло полный удар престижу Добрармии. В этом уже определенная вина генерала Пархомова, который вместо того, чтобы силой заставить явиться мобилизованных, согласился с предложением Крымского правительства *аннулировать приказ о мобилизации 1897 и 1898 годов*²⁵. (Выделено А. А. Боровским. — А. П.) Запись добровольцев тоже шла весьма слабо. Несмотря на то, что во всех городах Крыма были открыты бюро записи добровольцев и велась усиленная агитация, прилив добровольцев был ничтожен — около 1000 человек в месяц. Вследствие всего этого формирование шло весьма слабо и сформированные кадры, не получив никакого пополнения, остались без солдат, что свело все формирования к нулю²⁶. Результаты записи добровольцев и объявленных призывов лучше всего характеризуют отношение населения Крыма к Добрармии за все время ее там пребывания. Все это повело к тому, что крымское правительство, считая Добрармию неспособной предохранить Крым от вторжения красных войск, в тайне от командования Добрармии начало вести через министра внешних сношений Винавера переговоры с высшим французским командованием на юге России, а также и непосредственно с некоторыми членами палаты депутатов в Париже об оккупации Крыма французскими войсками. Переговоры получили благоприятный результат, и эти планы получили принципиальное одобрение. Вопрос шел теперь исключительно о подвозе достаточного количества французских войск в Крым для осуществления плана оккупации. Генералу Пархомову обо всем этом неоднократно докладывалось политическим отделением с указанием на необходимость принятия по отношению к таким поступкам правительства контрмер и ведения с французским командованием переговоров по этому вопросу, но генерал Пархомов в «вероломство» Крымского правительства отказывался верить, а также и отказывался дать разрешение принять против этого меры. *Крымское же правительство, считая, что с оккупацией Крыма французами Добрармия больше не нужна, все с большим пренебрежением отнеслось ко всем предложениям и представлениям*

генерала Пархомова в Совете Министров²⁷. (Выделено А. А. Боровским. — А. П.) Такое положение, непрерывно укрепляясь, достигло кульминационного пункта к началу марта 1919 года. Генерал Пархомов начал сознавать, что все, о чем ему доносилось, соответствовало действительности, хотел исправить ошибки, но уже было поздно, так как он потерял совершенно почву под ногами, что усугубилось еще начавшимися мало удачными для Добрармии ожесточенными боями на фронте, полной потерей им, а вместе с ним и всей Армией, авторитета в глазах населения и общества, ненавистью к нему офицерства, что вылилось даже в открытое возмущение против него батальона 1-го Симферопольского полка и почти полным [разрывом] с ним офицеров Генштаба²⁸. Повторяю, что в эту минуту сделать что-либо он был бессилён. Но и положение крымского правительства к тому времени резко ухудшилось. Французы, занятые Одессой, или по другим причинам, с присылкой в Крым значительных войск, а вследствие этого, и с оккупацией Крыма, медлили. Население окончательно от него отшатнулось. Татары, составлявшие 42% населения, по национальным соображениям, интеллигенция и буржуазия, считая его нерешительным и левым, рабочие и крестьяне считают его буржуазным и правым.

Большевизм рос, агитация его имела все больший успех, уже происходили открытые выступления рабочих, как-то в Севастополе и Евпатории. В уездах оперировали шайки бандитов и большевиков. Под влиянием всего этого Крымское правительство решило пойти по пути твердых мер, и оставив до более подходящего времени вопрос об оккупации Крыма французами, опереться на Добрармию, которая все же обладала реальной силой и группировала около себя некоторые наиболее сознательные слои населения, обвинявшего в неудачах не Добрармию, а генерала Пархомова. Приблизительно с 7–20 марта Крымским правительством был принят *по предложению политического отделения*²⁹ через генерала Пархомова ряд мер по борьбе с большевизмом и анархией в тылу, а также по улучшению материального положения офицеров, солдат и их семейств, как-то увеличения пайка, выдача 10 рублей суточных, находящихся на позициях и т. д. Такая совместная работа продолжалась до 12 марта. Но в это же самое время дела на фронте все ухудшались, наши войска усиленно отступали в Северной Таврии, мобилизованные в этих районах, бежали из частей, военные действия все приближались к границам Крыма и 12 марта наши войска заняли позицию у Перекопа. В связи с этим необходимо было введение военного положения, которым вопрос за все время пребывания Добрармии в Крыму (видимо, пропущено несколько слов. — А. П.) всей производящейся работе Добрармии в Крыму Ставка дала право Командующему армией ввести его, как он найдет это необходимым. Краевое правительство было противником его, угрожая в случае введения, уходом. Вообще введение его явилось самым острым вопросом всех взаимоотношений Добрармии и Крымского правительства: около него велась борьба с одной стороны за введение всеми военными кругами, общественными, стоящим на платформе Добрармии и частью членов правительства, с другой против введения социалистическими партиями, рабочими организациями, угрожавшими в случае осуществления этой меры, вооруженным выступлением и другой частью членов правительства. Генерал Пархомов считал введение его

необходимым, но, исходя из того положения, что на действительное его проведение в жизнь в его распоряжении нет войск, примыкал ко второй группе и, несмотря на настойчивые указания на необходимость введения военного положения как политического отдела, так и многих общественных групп, не настаивал на введении его перед Крымским Правительством.

В заседании Совета министров 12 марта, когда положение было признано катастрофическим, был постановлен частью министров в категорической форме вопрос о введении военного положения. Генерал Пархомов и 5 министров высказались за его введение, генерал Боровский, Винавер и Никонов против, и оно было отклонено³⁰. Генерал Пархомов вышел в отставку. В его должность вступил генерал-майор Чернавин³¹. 15 марта собрался Совет Министров, не пригласив командный состав Добрармии. На этом заседании признав положение Крыма безнадежным, правительство решило принять меры к обороне помимо Добрармии, для чего создало должности главноуполномоченного по эвакуации и обороне Крыма, на первую должность прокурора судебной палаты Коринского, на вторую инженера Чаева, а также на этом заседании ими решено было формировать свои войска, для чего же пожелало воспользоваться формирующейся в Симферополе Добрармией немецкой Егерской бригадой, предложив командованию Добрармией передать ее Крымскому Правительству на формирование и содержание, подчинив ее командованию Добрармии только в оперативном отношении. Все эти решения были вызваны страшной паникой и растерянностью правительства перед надвигающейся опасностью и боязнью потерять Крым, и вместе с ним и власть. Обо всех этих решениях правительства командование Армией довело до сведения генерала Деникина, который прислал Крымскому Правительству ультиматум взять свои решения обратно в 48 часов, угрожая в противном случае немедленно вывести войска Добрармии из Крыма. Правительство по происшествии 6 часов взяло решение обратно, предложив взамен этого создать совет обороны под председательством генерала Боровского из членов правительства и начальника штаба армии, к которому перешла бы Верховная власть в Крыму. Генерал Боровский и Ставка согласились на это. В это время происходившие у Перекопа ожесточенные бои закончились отступлением наших войск. Началась усиленная эвакуация Крыма. Правительство покинуло Симферополь, бежав в Севастополь, совет обороны, просуществовав 5 дней, распался. 23 марта генерал Боровский ввел военное положение и вступил в должность военного генерал-губернатора Крыма. 26 марта Добрармия покинула Симферополь. Во всем происходившем в Крыму за указанный период сыграли большую роль французы, политика которых по отношению к Добрармии в Крыму за все время ее там пребывания была по меньшей мере странной. Отношение с союзниками [складывались] следующим образом. Союзники прибыли в Крым и именно в Севастополь в ноябре 1918 года, т. е. немногим раньше занятия Крыма Добрармией. В Севастополе стоял 175 пехотный французский полк и на рейде несколько французских и английских военных судов. Верховное командование находилось в руках англичан. Ни в какие местные дела союзники не вмешивались, дальше Севастополя не распространялись и никаких учреждений на территории Крыма не имели за исключением английской контрразведки, которая была организована

во всех приморских городах крымско-азовского района и преследовала только цели борьбы с большевистской агитацией среди английских моряков и германским шпионажем. Отношения с Добрармией были хорошие, но чисто деловые. Попыток войти в более тесную связь не делало ни английское командование, ни командование Добрармии в Крыму. Совершенно иначе поступало Крымское Правительство, делая все возможное к более близкому сближению, а потому вскоре в глазах союзников на первом плане стало Крымское правительство, а на Добрармию в Крыму установился у местного союзного командования взгляд как на некий придаток к Крымскому правительству. Это положение еще больше ухудшилось в конце января, когда в силу состоявшегося соглашения между Англией и Францией Крым вошел в сферу влияния французов и английское командование было заменено французским, а командующим французскими войсками в Крыму был назначен командир 75-го полка полковник Рюе. Министр внешних сношений Винавер, имеющий своим местом пребыванием Севастополь и ставший в близкие отношения к полковнику Рюе еще в бытность его только командиром 175 пехотного полка, сделался у полковника Рюе своим человеком, который работал только с ним, оставляя совершенно в стороне командование Добрармией. Все вопросы освещались Винавером французам со своей точки зрения и взгляды Крымского правительства во всем доминировали. Правда, с самого начала при союзниках состоял представитель Добрармии полковник Генерального Штаба барон Нолькен, но он не сумел поставить себя надлежащим образом, а затем ему совершенно не по силам было бороться с Винавером, и роль его только свелась к информации союзников, да и это у него поставлено крайне слабо. Между тем Крымским Правительством через Винавера и французским высшим командованием на юге России велись описанные выше переговоры об оккупации Крыма, а вместе с тем авторитет Добрармии в глазах французов падал с каждым днем, политика их по отношению к Добрармии становилась все неопределеннее. Военными действиями на фронте не интересовались совершенно. Единственный раз они отправили во второй половине января на Мелитопольский фронт несколько офицеров, да и то с целью разведки, что представляют из себя дерущиеся на фронте отряды немцев-колонистов. Но до фронта их офицеры не доехали, застряв в Мелитополе, где предались беспробудному пьянству.

В половине февраля события на фронте заставили командование Добрармии в Крыму обратиться к французам для выяснения вопроса, какую помощь может оказать франкомандование Добрармии в борьбе с наступавшими интенсивно с севера большевиками. Полковник Рюе ответил, что эти вопросы будут решены с приездом генерала Франше Д`Эспере, командующего французскими силами на востоке, а пока все будет ограничиваться посылкой французских миноносцев к побережью Азовского моря, что делалось адмиралом Д`Ансельм командующим французской эскадрой в водах Черного моря. Генерал Франше Д`Эспере прибыл в 20-х числах февраля. Генералы Боровский и Пархомов отправились к нему в Севастополь. Туда же прибыло и Крымское правительство. Прием Крымского правительства был крайне милостив. Генерал обещал Крыму и его Правительству всемерную помощь и поддержку. *Прием же генералов Боровского и Пархомова носил крайне странный характер. Генерал Д`Эспере почти*

выразил удивление, зачем они прибыли, высказав полное незнание, что такое Добрармия в Крыму и что она делает, о генерале Деникине сказал, что он о нем «что-то слышал», и так далее в том же духе³². (Выделено А. А. Боровским. — А. П.)

В результате определенной помощи не обещал, сообщив только, что вскоре в Крым придут большие французские и греческие силы. За некоторое время перед этим произошел случай, когда французское командование вмешалось активно в жизнь Крыма. Это закрытие газеты «Прибой» на 7 дней за агитацию против союзников. Вследствие давления на Крымское правительство за это со стороны рабочих организаций последнее вошло с представлением к полковнику Рюе о недопустимости вмешательства французов в жизнь Крыма помимо Крымского правительства. Рюе обещал действовать в таких случаях через правительство и инцидент был улажен. Через несколько дней после отъезда генерала Франше Д'Эспере в Севастополе была объявлена политическая забастовка, вылившаяся в вооруженное выступление с требованием ухода Добрармии из Крыма, а Краевого правительства от власти, и признание в Крыму власти Советского правительства. В подавлении этого выступления полковник Рюе принял в начале деятельное участие, но потом пошел на переговоры с рабочими, допустив ряд крупных промахов. За это он был отрешен от должности, и на его место назначен был полковник Труссон. Командование Добрармии вошло с ним в более близкую связь, выработало совместно план участия французов и прибывших почти одновременно с его назначением греческих войск в обороне Крыма. Полковником Труссоном были присланы для связи в Штабе Армии французские офицеры, он сам отправился с генералом Боровским на фронт. В Симферополь был прислан греческий батальон и ½ батальона была отправлена в Джанкой на поддержку наших войск. Отношения начали налаживаться, и у командования Добрармии в Крыму появилась надежда на реальную силу союзников. Но через несколько дней отношения начали портиться. Полковник Труссон в силу каких-то причин (по всей вероятности, руководствуясь указаниями свыше) обещаний о присылке ни последующих подкреплений, ни о посылке военных судов к Перекопскому перешейку не выполнил, а стал обвинять командование Добрармии в неумении воевать, отдал приказ греческим войскам активного участия в боях и действиях не принимать; последний приказ его остался невыполненным и греческие войска, перейдя в наступление у Перекопа, сражались вместе с нашими, поражая своим героизмом, но их было слишком мало, а подкреплений полковник Труссон не давал, несмотря на изобилие французских и греческих войск в Севастополе. В конце концов фронт наш был красными прорван и началось отступление. Полковник Труссон категорически потребовал, чтобы все добровольческие части отступали на Керчь, а греческие на Севастополь³³, (выделено А. А. Боровским. — А. П.) что и было выполнено, хотя часть греческих войск в силу необходимости должны были отступать на Феодосию, где были посажены на суда. Последующие действия французов носили еще более странный характер: так как ими оказывались всяческие препятствия к эвакуации наших судов из Крыма, осматривался увозимый багаж. Французские матросы на улицах Севастополя братались с большевиками, пьянствовали и безобразничали. Большевики в конце марта подошли к Севастополю, и, после отказа французов сдать его, приступили к штурму, но их попытки

взять Севастополь силой были отбиты с большими для них потерями. 4 апреля французское командование заключило с большевиками перемирие, которое окончилось 11 апреля. Поведение командиров французских миноносцев в Феодосии во время пребывания там Штаба Армии также было крайне возмутительно. Достаточно указать на выпуск из порта нашего транспорта без предварительного осмотра французами, и на письма командира французского миноносца капитана 2-го ранга Бонет к генералу Боровскому с требованием прекратить расстрелы большевиков, так как это несовместимо с достоинством французского флота «стоящего здесь»³⁴.

Отношение же греков и англичан до последнего времени оставались крайне хорошим, и последние неоднократно указывали, что они рады бы помочь Добрармии, но здесь сфера французского влияния. Отношение населения к французам вначале было очень хорошее, авторитет их стоял очень высоко во всех без исключения кругах населения. Благонамеренные элементы крайне рассчитывали на их помощь, приверженцы большевиков их боялись. Но помощь от них не приходила, большевики на этой почве агитировали, уверяя рабочие и крестьянские массы, что союзники с ними, благонамеренные элементы от них отвернулись, не рассчитывая на них. Офицерство стало относиться к ним с ненавистью, всячески подчеркивая это, особенно в присутствии англичан и греков, к которым сохранились, если не надежды на помощь, то движение, особенно после заявления большевистским парламентам командира английского крейсера, стоявшего у Акманая, что враги Добрармии являются врагами и англичан.

Штабс-капитан (фамилия не указана)³⁵.

Российский государственный военный архив. Ф. 39660. Оп. 1. Д. 143. Л. 139–143. Машинопись с отдельными рукописными вставками.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта №15-31-10169 а (ц)

² Деятельности Второго Крымского Краевого правительства (ноябрь 1918 — апрель 1919 гг.) посвящен ряд современных исследований, среди которых можно указать работы А. Г. и В. Г. Зарубиных, В. Ж. Цветкова и А. С. Пученкова (*Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь, 2008; Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2009. С. 138–153; Пученков А. С. Украина и Крым в 1918 — начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб., 2013. С. 144–161*).

³ Укажем только основные работы: *Винавер М. М. Наше правительство. (Крымские воспоминания 1918–1919 гг.). Париж, 1928; Пученков А. С. Набоков В. Д. Крым в 1918/19 гг. // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 221–257; Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988; Бобровский П. С. Второе Крымское правительство / Пученков А. С. Украина и Крым в 1918 — начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб., 2013. С. 295–330; Трубецкой Г. Н. Годы смут и надежд. 1917–1919. Монреаль, 1981. С. 149–176. — Воспоминания политических деятелей; «белогвардейский» взгляд на проблему выражен в классических «Очерках русской смуты» Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России А. И. Деникина. См.: *Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 2003. Т. V. С. 418–433. — Отдельные свидетельства о рассматриваемом периоде можно встретить, конечно, и на страницах ряда других воспоминаний.**

⁴ Боровский Александр Александрович (1877–1939), генерал-лейтенант, участник Белого движения. Первопоходник. С 10 января 1919 г. — Командующий Крымско-Азовской Добровольческой армией. Отличался большой личной храбростью и склонностью к злоупотреблению алкоголем. По свидетельству мемуариста Н. Н. Алексеева, про Боровского «в Крыму все говорили, что он пропил Крым». (См.: *Алексеев Н. Н.* Из воспоминаний // Архив русской революции. М., 1993. Т. XVII. С. 186–187). В дни «обер-офицерской революции» капитана Н. И. Орлова в Крыму в начале 1920 г. был арестован последним в Ялте с формулировкой «за пьянство, Ваше Превосходительство!» (См.: Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 324. Друян. Орловское выступление. Л. 19). Умер в эмиграции. Подробнее о генерале Боровском и Крымско-Азовской Добровольческой армии см.: *Набоков В. Д.* Крым в 1918/19 гг. ... С. 233–238, 248–256).

⁵ Винавер Максим Моисеевич (1863–1926), видный российский юрист-цивилист, первоходец, член ЦК партии кадетов. Летом 1918 г. активно выступил в поддержку Антанты, став фактически противовесом новой германофильской ориентации лидера партии П. Н. Миллюкова. Министр внешних сношений Крымского Краевого правительства. Эмигрант. Автор воспоминаний. Винавер утверждал, что Крымское правительство, так же как и Добровольческая армия, работало «над воссозданием единой России...», а сам факт образования правительства был обусловлен только желанием «спасти страну (Крым. — А. П.) от большевистской анархии... до момента образования единой государственной власти» (см.: Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5818. Оп. 1. Д. 54. Л. 1–2. Письмо М. М. Винавера в редакцию газеты «Жизнь». 1919).

⁶ Крым Соломон Самойлович (1867–1936), известный крымский общественный и земский деятель, депутат I и IV Государственной Думы, в ноябре 1918 — апреле 1919 гг. — председатель Второго Крымского Краевого правительства. Член кадетской партии. Караим. Скончался во Франции.

⁷ *Алексеев Н. Н.* С. Из воспоминаний // Архив русской революции. М., 1993. Т. XVII. С. 187.

⁸ «Деникин до сих пор так и не понял истинной физиономии нашего правительства. А это значит, что в борьбе с большевиками он не понял главного — ее не военного, а общественно-политического значения», — писал в своих воспоминаниях министр труда в правительстве Соломона Крыма П. С. Бобровский (см.: *Бобровский П. С.* Второе крымское правительство / *Пученков А. С.* Украина и Крым в 1918 — начале 1919 года. Очерки политической истории. С. 330).

⁹ *Богданов Н. Н.* Открытое письмо А. И. Деникину // Последние новости. Париж. 1928. 22 декабря.

¹⁰ *Набоков В. Д.* Крым в 1918/19 гг. ... С. 237.

¹¹ *Бобровский П. С.* Второе крымское правительство. С. 311.

¹² Там же. С. 304.

¹³ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. М., 2003. Т. V. С. 424.

¹⁴ Там же. С. 420.

¹⁵ «С появлением союзников Крым получил большое значение», — заявил Деникин в беседе с П. Н. Миллюковым (см.: *Дневник П. Н. Миллюкова.* 1918–1921. М., 2004. С. 166. Запись от 16/29 октября 1918 г.).

¹⁶ Руководителем Крымского центра Добровольческой армии был генерал-лейтенант барон А. К. де-Бодде. Подробнее о центрах Добровольческой армии, осуществлявших на местах вербовку офицеров и отправку их в Добровольческую армию, см.: *Гагкуев Р. Г.* Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012. С. 154–165. — Деятельность Центра по отправке офицеров в Добровольческую армию была не слишком эффективна, Крым не дал армии ни одной значительной партии.

¹⁷ Пархомов Дмитрий Николаевич (1871–1925), Генерального штаба генерал-лейтенант. Участник Белого движения. В Крымско-Азовской Добровольческой армии — начальник штаба. Эмигрант, похоронен в Белграде, на Новом кладбище.

¹⁸ Не совсем так. — Примеч. А. А. Боровского.

¹⁹ Подлежит сомнению. — Примеч. А. А. Боровского.

²⁰ Все члены Крымского правительства в своих воспоминаниях отвергают утверждение о потворстве ими распространению большевизма на полуострове.

²¹ Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922), кадет, член Центрального комитета партии, один из лидеров фракции кадетов в Государственной Думе, в 1917 г. — управляющий делами Временного правительства, мемуарист. Убит в эмиграции С. Таборицким во время покушения на П. Н. Милюкова.

²² Ложь. — Примеч. А. А. Боровского.

²³ Это было позже. — Примеч. А. А. Боровского.

²⁴ Вздор. — Примеч. А. А. Боровского.

²⁵ Неправда. Это было сделано Главкомом. — Примеч. А. А. Боровского.

²⁶ Архивные документы свидетельствуют о преобладании в Крымско-Азовской Добровольческой армии офицеров и катастрофической нехватке нижних чинов (см.: Российский государственный военный архив. Ф. 39660. Оп. 1. Д. 2. Л. 148. Рапорт генерала Корвин-Круковско-го). Попытка проведения мобилизации в ряды армии к успеху не привела.

²⁷ Совершенная ложь. — Примеч. А. А. Боровского.

²⁸ См. выше.

²⁹ ? — Примеч. А. А. Боровского.

³⁰ ? — Примеч. А. А. Боровского.

³¹ Чернавин Виктор Васильевич (1877–1956), Генерального штаба генерал-майор. В Белой армии на Юге России последовательно занимал ряд командных должностей; в частности, в конце ноября 1918 г. был назначен генерал-квартирмейстером штаба Крымско-Азовской Добровольческой армии. В эмиграции активно сотрудничал в печати, опубликовал ряд статей, собирал материалы, посвященные истории русской армии в Великую войну и истории Белого движения на Юге России. Автор воспоминаний.

³² Все неправильно. Все вздор. — Примеч. А. А. Боровского. В свою очередь, командующего Черноморским флотом адмирала В. А. Канина Франше Д'Эспере, по словам русского адмирала, принял «очень нелюбезно и прочел лекцию о патриотизме...» (см.: Российский государственный архив Военно-морского флота. Р-332. Оп. 1. Д. 11. Л. 424. Письмо В. А. Канина А. М. Герасимову. 21 марта 1919).

³³ И это неправильно. — Примеч. А. А. Боровского.

³⁴ Немного переврал. — Примеч. А. А. Боровского.

³⁵ Интересно знать этого столь осведомленного штабс-капитана. Если писать — так правду, ибо ложь только вредна для дела. — Примеч. А. А. Боровского.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Пученков А. С. Обзор взаимоотношений между Крымским Правительством и Добрармией за период декабря 1918 г. — апреля 1919 г. // Новейшая история России. 2016. № 3 (17). С. 211–224. DOI 10.21638/11701/spbu24.2016.314

Сведения об авторе: доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); a.puchenkov@spbu.ru

FOR CITATION

A Review of the Relationship Between the Crimean Government and the Volunteer Army in December 1918 — April 1919, Modern history of Russia, no 3, 2016. P. 211–224.

A publication by A. S. Puchenkov

DOI 10.21638/11701/spbu24.2016.314

Author: Doctor of History, Associate Professor, Institute of History of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); a.puchenkov@spbu.ru

References:

1 Zarubin A. G., Zarubin V. G. *Bez pobeditelej. Iz istorii Grazhdanskoj vojny v Krymu* (Simferopol, 2008).

- 2 Tsvetkov V. Zh. *Beloe delo v Rossii. 1919 g. (formirovanie i jevoljucija politicheskikh struktur Belogo dvizhenija v Rossii)* (Moscow, 2009).
- 3 Puchentov A. S. *Ukraina i Krym v 1918 — nachale 1919 goda. Ocherki politicheskoy istorii* (St. Petersburg, 2013).
- 4 Vinaver M. M. *Nashe pravitel'stvo. (Krymskie vospominanija 1918–1919 gg.)* (Paris, 1928).
- 5 Puchentov A. S. Nabokov V. D. Krym v 1918/19 gg., *Novejschaja istorija Rossii*, 2015, no. 1.
- 6 Obolenskiy V. A. *Moja zhizn. Moi sovremenniki* (Paris, 1988).
- 7 Bobrovskiy P. S. 'Vtoroe Krymskoe pravitel'stvo' in Puchentov A. S. *Ukraina i Krym v 1918 — nachale 1919 goda. Ocherki politicheskoy istorii* (St. Petersburg, 2013).
- 8 Trubetskoy G. N. *Gody smut i nadezhd. 1917–1919* (Montreal, 1981).
- 9 Denikin A. I. *Ocherki russkoj smuty*, Vol. V (Moscow, 2003).
- 10 Alekseev N. N. 'Iz vospominanij' in *Arkhiv russkoj revoljucii*, Vol. XVII (Moscow, 1993).
- 11 *Dnevnik P. N. Milyukova. 1918–1921* (Moscow, 2004).
- 12 Gagkuev R. G. *Beloe dvizhenie na Juge Rossii. Voennoe stroitel'stvo, istochniki komplektovanija, social'nyj sostav. 1917–1920 gg.* (Moscow, 2012).